

АЛЬБИНА НУРИ

ДОРОГА
В МИР ЖИВЫХ

За пределом реальности

Альбина Нури

Дорога в мир живых

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нури А.

Дорога в мир живых / А. Нури — «Автор», 2018 — (За пределом реальности)

ISBN 978-5-04-097723-9

Развод с любимым мужем был очень болезненным. Катя никак не могла прийти в себя, забыть о нем, и в итоге, по совету подруги, попробовала найти мужчину на сайте знакомств. Вскоре Кате повезло, и она познакомилась с Никитой. Умный, начитанный, вежливый, он был почти идеален, да к тому же у них с Катей оказалось так много общего. То, что за ником на сайте может скрываться кто угодно, даже вовсе не человек, Катя поняла слишком поздно, когда закружилась череда жутких и необъяснимых событий, а близкие ей люди стали погибать... Книга также издавалась под названием «Поджидающий во тьме».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097723-9

© Нури А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Часть вторая	31
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альбина Нури

Дорога в мир живых

Часть первая

Глава первая

– Ты очень закрытая! – Маша недовольно поджала губы, покачала головой и убрала за ухо светлую прядь. Та не желала лежать как надо, падала на лоб и лезла в глаза. – Нельзя так, Катя!

Фраза прозвучала не очень внятно: сказала почти полная бутылка коньяка, выпитая на двоих. Коньяк подружки пили как водку – из рюмок – и закусывали салатом. Маша запрокидывала голову, одним глотком выпивала пахучий золотистый напиток, потом выдыхала и долго махала ладошкой перед раскрытым ртом. Катя все собиралась спросить, зачем она так машет, да было лень.

– Заладила – «закрытая, закрытая», – вяло проговорила Катя, – что я, форточка?

– Форточка! – фыркнула Маша. – Остроумно. Но не отменяет главного! Ты замкнутая и нелюдимая. Тебе нужно встряхнуться.

Они сидели в кафе «Уютный дом». Ах, извините – теперь уже в ресторане. Владельцы трепетно относились к смене статуса своего заведения. Глупо, конечно, учитывая, что сменилась только вывеска. Как были окна мутными, а занавески – пыльными, так и остались.

Однако располагался ресторанчик удобно, недалеко от их офиса, а кормили тут вкусно (если, конечно, не задумываться о чистоте кухни), поэтому они с Машей время от времени выбирались сюда поужинать.

– Вот же, встряхиваемся, – сказала Катя и кивнула на стол.

Салаты, мясная нарезка, горячее – все как положено. А после еще и мороженое с фруктами принесут. И пирожное для Маши. Когда она пила, то ела, по ее собственным словам, «как не в себя».

Но вообще-то, если по правде, она всегда так ела и при этом не поправлялась.

– Дурочка ты. – Маша смерила Катю тягучим взглядом. – Я разве про бабские посиделки?

Кате не хотелось говорить на эту тему, но она знала, что Маша все равно не отстанет. Заведет старую песню про молодые годы и одиночество, про перспективы – точнее, их отсутствие – и необходимость жить дальше.

Знала Катя и чем все излияния кончатся, так что приготовилась отбрыкиваться от предложения сходить в ночной клуб или в караоке.

Однако подруга удивила.

– Даже по твоему фейсбуку видно, что ты дикарка! – заявила она.

– С чего бы это?

– На страницу заходишь по великим церковным праздникам, – съязвила Маша. – Один или два дурацких поста в полгода выложишь – и все, отстрелялась. Друзей у тебя там сколько? Десять человек? Двадцать? И кто они? Я да Ларискин маникюрный кабинет!

Сама Маша жила бурной виртуальной жизнью. У нее были аккаунты во всех популярных соцсетях, куча друзей и подписчиков, с которыми она постоянно общалась: чем-то делилась, вечно что-то постила, кого-то лайкала. Катя покосилась на лежащий возле Машиной тарелки смартфон: поставленный на беззвучный режим, он тем не менее поминутно подмигивал хозяйке, оповещая о том, что на один из бесчисленных мессенджеров пришло сообщение, уведомление, приглашение, бог знает что еще.

Маша так плотно вошла во все это, так прониклась ритмом полуреального, пульсировавшего в смартфоне мира, населенного отчасти вымышленными персонажами, что вырвать ее из этого круга, наверное, уже невозможно.

Она давно забыла, каково это – обходиться без постоянных оповещений, что чей-то любопытный нос снова сунут в ее личную жизнь; без чужого одобрения ее мнения, поступков, фотографий.

Без всего этого Маша, конечно, не умрет, но ломать ее будет здорово. Краски померкнут – радость будет не такой веселой, еда не такой вкусной и так далее.

Катя была постоянным свидетелем Машиной кипучей интернет-жизни: они сидели в одном рабочем кабинете, за соседними столами. Маша вообще была в ее жизни всегда: Катя, как ни старалась, не могла припомнить, что было, когда Маши не было. Видимо, кто-то наверху сплел их судьбы и биографии в тугой узел.

Они учились в одном классе, потом поступили в один вуз, правда, на разные факультеты (Маша – на геологический, Катя – на экономический), продолжая дружить. А когда получили дипломы, стали работать в огромной книжной сети, которая доставала своими щупальцами даже до самых мелких и удаленных от столицы российских городов.

– Еще по одной. – Это был не вопрос, а утверждение. Маша разлила коньяк по рюмкам.

– Тебя из дома выгонят.

– Ой, не смей! Скажи еще, что завтра на работу.

– Завтра на работу.

– Зануда. – Маша повертела в пальцах рюмку, но пить не стала. – Я тебе не предлагаю каждый чих и каждый прыщ в Интернете афишировать. Куда пошла, что на ужин приготовила...

Сама-то Маша именно так и делала, и для Кати было загадкой, какая радость в том, что многочисленные «френды» в курсе ее меню, знают, когда она кастрировала кота, какой подарок купила любимому мужу Леониду.

– Но нужно быть общительнее. Поговорить, посмеяться и...

– Прошу прощения, мороженое уже можно принести? – спросил подошедший официант.

Маша милостиво разрешила. Катя надеялась, что подруга срулит с темы ее некоммуникабельности, но та оседлала любимого конька.

– Не хочешь вживую знакомиться, давай через Сеть! Что с тебя, убудет? Он жизни радуется, а ты киснешь!

– Что мне теперь, назло ему с кем-то сойтись?

– Клин клином вышибают. – Выдав народную мудрость, Маша все же допила коньяк.

Катя тихонько вздохнула и отвернулась к окну. По стеклу сонными мухами ползли крупные капли дождя. Какой смысл весь год ждать лета, если каждый день льет, как из прохудившегося ведра?

Почти восемь вечера. Люди бегут по тротуарам, как по минному полю: сосредоточенно уставившись себе под ноги, обходят лужи, пригибаются, прячутся под зонтами. Кате вдруг захотелось оказаться дома. Она, в отличие от Маши, была не из тех людей, которым необходимо выносить свое настроение – дурное или хорошее – на люди. Радость от этого не увеличивалась, зато боль многократно возрастала.

Зачем она вообще поддалась на уговоры и позволила Маше затащить себя сюда?

– Сколько уже прошло, как он ушел? Долго ты убиваться собираешься?

Катя была уверена: если бы драгоценный Лелик, которого Маша, несмотря на двенадцать лет брака, любила без памяти, объявил, что хочет уйти, она «убивалась» бы, пока не убилась до смерти.

Но, как говорится, чужую беду руками разведу. Со стороны все проблемы кажутся легко решаемыми.

– Пять месяцев две недели и четыре дня, – прохладно сказала Катя. Она чувствовала себя несчастной и покинутой, а хуже всего, что еще и трезвой, несмотря на выпитый коньяк. – Пошли домой.

Жили они в разных концах города. Но метро все упрощало: подруги спустились под землю, сели в поезда, похожие на металлических гусениц, которые с шумом понесли их в противоположных направлениях.

От станции метро до Катиного дома – пять минут. Пока шла, дождь кончился; остатки хмеля выветрились, подступила головная боль. Когда они вышли из офиса, настроение было ни к черту, и Маша решила, что им нужно развеяться, тем более что Леонид с Алисой, их десятилетней дочкой, уехали на пару дней к его матери в Нижнекамск. Теперь на душе стало еще гаже, да вдобавок похмелье началось. Просто блеск!

Катя бежала к дому и злилась на подругу.

Машке что? Придет домой, наворкуется по телефону с мужем и дочкой, ляжет спать и завтра будет как огурец. Она из редкой породы сверхлюдей, которым неведомы похмелье, выпадение волос, лишний вес, ломкость ногтей, герпес на губах, ячмени на глазах и прочие гадости, которые отравляют жизнь большинству обычных граждан.

Сама Катя промучается полночи, уснет ближе к утру, и завтра у нее будет помятый вид и все тридцати три года – на лице крупными буквами.

Возле подъезда толкались соседи с пятого этажа. Женщину звали Накия-апа, имени ее мужа Катя не знала. Пил он люто, нигде не работал, все лето сидел на скамейке во дворе в компании таких же взлохмаченных, изуродованных постоянной пьянкой мужиков. Бедную женщину жалел весь дом: мало того, что муж алкоголик, так еще и сын в тюрьме сидит.

– Дай стольник, сказал, – монотонно и нетвердо, видимо, не в первый раз, выговорил глава семьи.

– Ничего я тебе не дам! – Накия-апа вырвала руку из цепкого захвата.

Катя достала ключи от двери подъезда, стараясь быстрее прошмыгнуть мимо них, не слишком глубоко вдыхая: от мужика противно пахло.

– А ничё и не надо. Стольник дай и все.

Домофон тоненько запиликал, дверь открылась и закрылась, оставив соседей на улице. Катя шла к лифту и слышала, как они там переругиваются.

Глядя на таких людей, как этот мужчина, Катя всегда думала: а ведь они были когда-то маленькими и милыми. Носили панамки, катали машинки по полу, надевали смешные шорты и чешки на утренник. Рассказывали стихи, мечтали о чем-то, переживали из-за двоек в школе. Их любили мамы, отчитывали за разбитые окна отцы, в них влюблялись девчонки. Почему они выросли такими? Помнят ли они себя в детстве? Продолжают ли матери их любить – и видеть в них прежних любимых крошек?..

Думать об этом сегодня было почему-то страшно. Кате вдруг пришло на ум, что многое из того, что человек воспринимает как данность, может быть у него отнято. Достаточно одной случайности, и все изменится, и жизнь – такая, какой он знает ее и привык видеть, – покатится под откос, как камень с горы.

Квартира встретила настороженной, вопрошающей тишиной. Ей казалось, комнаты как будто ждали, когда же Катя вернется не одна, и были разочарованы, что снова – ни многого-лосого смеха, ни шума, ни оживленных разговоров.

Без Артура дом казался сиротливым и заброшенным, как и сама Катя. Если бы он снова поселился здесь, краны в ванной засверкали бы улыбочивым блеском, батареи грели бы охотнее, стены обнимали, а не надвигались, желая раздавить, диваны и кресла не жили, а не впивались пружинами в бока.

Каково это – прожить с человеком почти целое десятилетие, а потом услышать, что ему не хватает уверенности в правильности сделанного выбора? Можно услышать такое через год, два... Черт, да даже через три года еще не очень поздно, но десять!

Катя была уверена, что Артур просто не решился сказать ей правду.

Правду, которая состояла в том, что у него кто-то появился.

У него – да. А у нее – нет и никогда не появится. Маша права: она нелюдимая, закрытая, замкнутая. Ей всегда было трудно сходить с людьми, а после ухода Артура это даже не трудно, а попросту невозможно.

Катя постелила постель и приняла таблетку от головной боли. Прислушалась к себе: нет, уснуть пока не получится. Да и рано еще – десяти нет. Почитать? Посмотреть телевизор?

«Может, хватит ломать комедию? Кому врать? Некому».

Катя забралась в кровать, прихватив с собой ноутбук. Откинула крышку, включила, вошла в Интернет. Никто, даже Маша, не знал, что у нее есть фейковый аккаунт в социальной сети «ВКонтакте».

Подглядывать за бывшим в соцсетях все-таки не так стыдно, как названивать ему по пьяни. По крайней мере, этим Катя себя успокаивала, когда время от времени лазила к нему на страницу.

Впервые она сделала это почти сразу после того, как Артур собрал вещи и ушел. После бутылки вина, выпитой в одиночестве, зарегистрировалась под именем Катюша Маслова («Господи!») и наведалься посмотреть, как он там, без нее.

«Я же редко!» – говорила она себе. Но в глубине души знала, что даже эти нечастые тайные визиты – великая глупость. Маша раскричалась бы, если бы узнала. И мать тоже – если бы понимала, о чем речь.

Страничка Артура была открыта всем желающим, не только друзьям.

Однажды ей пришло в голову, что он может узнать о ее партизанских вылазках на его территорию, и ее прямо в пот бросило – какое унижение! Разумеется, он тут же догадается, что это за «Катюша Маслова» к нему наведывается.

Она стала искать в Интернете, можно ли понять, кто заходил на твою страницу. Выяснила, что если не установить специального приложения, то и не узнаешь. Катя успокоила себя тем, что он не станет этого делать – зачем ему? Артур относился к соцсетям спокойно и равнодушно: он там просто присутствовал, а не жил, как многие. Как та же Маша.

«Посмотрю в его наглые глаза!» – говорила себе Катя, забираясь к нему на страницу, как воришка в соседский палисадник.

Но с некоторых пор это стало невозможно: предавшие ее глаза были скрыты за темными очками. Вместе с образом жизни и, возможно, женщиной, Артур сменил аватарку. Это произошло не так давно, в мае. Теперь бывший муж не стоял с самоуверенным видом возле огромного окна в своем кабинете, а был снят на фоне заката. Вместо строгого костюма – джинсы и ветровка. Волосы подстрижены короче, на ногах кроссовки, руки в карманах.

За его спиной расстилалась водная гладь. Похоже, Кама – Артур родом из тех мест.

«Интересно, кто его фотографировал?» – спрашивала себя Катя. Может, та самая неведомая «она», чьи следы Катя пыталась (и боялась) все эти месяцы отыскать на его странице?

Каждый раз думала, что испытает, если увидит, как он прижимает к себе другую женщину. Двадцатилетнюю, стройную, беззаботную. Высокую, с безупречной фигурой и пухлыми губами. Артур говорил, его воротит от надувных силиконовых кукол без мозгов и собственных мыслей. Но одно дело – что мужчины говорят, и другое – о чем они думают. И с кем спят. В постели определенно можно обойтись и без диплома о высшем образовании.

Новых записей на странице было три, и все они не касались личной жизни Артура. Политика, музыка, кино, литература – все как обычно. Пролистав привычным движением все записи

на стене, Катя не нашла ничего криминального, убедилась, что женских фотографий нет, и с облегчением выдохнула, но тут же разозлилась на себя за эту нелепую радость.

Во-первых, Артур никогда не имел привычки выставлять фото своих родных и близких – ее собственных снимков на его стене почти не было, хотя они прожили вместе целое десятилетие.

А во-вторых, и в главных, какое имеет значение, есть ли у него кто-то? Ее, Кати, с ним нет и не будет никогда, вот что главное! Их история закончилась, так что неважно, что он публикует, а что скрывает.

Почему, ну почему она никак не может в это поверить?

«Потому что все было хорошо, даже слишком хорошо. Потому что он не давал повода сомневаться, что так будет всегда».

Внезапно заиграла громкая музыка, и погруженная в свои размышления Катя подскочила на месте, едва не опрокинув ноутбук на пол.

Звонила Маша – узнать, как дела, как дошла. Отчитавшись, что все в порядке, Катя поставила будильник на полседьмого и выключила свет.

Иногда ей хотелось завести котенка. В родительском (точнее, материнском) доме всегда жили кошки, и она привыкла засыпать под их уютное мурчание. Но у Артура была аллергия на кошачью шерсть – это выяснилось, когда Катя принесла в их новую квартиру смешного пушистика, которого нашла в подъезде. Катя и котик были счастливы, но наутро Артур проснулся с распухшим носом и красными слезящимися глазами.

Котенка пришлось отдать Маше – он до сих пор жил в их квартире. Она раскормила Кузю до шарообразного состояния, шерсть его лоснилась, как намазанная маслом, а зеленые глаза смотрели насмешливо и высокомерно.

Теперь, когда Артура не было, Катя могла бы завести питомца. Но в этом было что-то окончательное, безвозвратное. Это значило признать: Артур уже точно не вернется. Его место займет кот.

«Так ведь он и не вернется – сам сказал!»

Катя уткнулась в подушку и расплакалась. Ситуация была заезженная, банальная – одинокая брошенка рыдает по ночам.

Не к месту вспомнились соседи, встреченные нынче вечером у подъезда. Ни замордованная жизнью Накия-апа, ни ее муж-пропойца не желали для себя такой доли, не ожидали того, что стало с ними. Вот и она, Катя, тоже не хотела быть одинокой, даже не предполагала, что может вот так лежать и реветь от жалости к себе.

«Почему жизнь так часто обманывает наши ожидания? Что мы делаем не так?» Ответа, разумеется, не было, да и быть не могло.

Первая интерлюдия

Он придет через четыре часа сорок три минуты. Я уверена в этом, потому что он никогда не опаздывает. Он точен, как прибор. Как рассвет и закат. И так же неотвратим.

Сначала я радовалась, что мое кресло стоит напротив часов. Решила, что это его упущение, малюсенький шанс на спасение, который он, сам того не желая, подарил мне. Казалось, если буду узнавать о времени его появления, то это может оказаться полезным, как-то помочь: возможно, мне удастся подготовиться, перехитрить его. Кто предупрежден, тот вооружен, и все такое...

Теперь мне смешно думать об этом. Иллюзия, очередная глупая надежда, которая давно уже меня покинула. Теперь я знаю, что это еще одна жестокая выходка: он намеренно вернулся кресло, хотел, чтобы я сидела, смотрела на часы и тряслась от ужаса, представляя,

что случился, когда он явится. Это примерно то же самое, что знать день и час собственной смерти.

Поначалу, пока не поняла, что это бесполезно, я пыталась кричать. Верила, что кто-то может услышать меня, прийти на помощь. Как скоро я осознала, что все напрасно? Возможно, прошел месяц. Или год. Время для меня теперь течет иначе.

Кричать я перестала, но однажды попробовала поговорить сама с собою вслух. Прежде, в другой жизни, я часто делала это, например, когда вертелась перед зеркалом, собираясь выходить из дому.

Выходить из дому... Как просто! Как недостижимо.

Так вот, я откашлялась и сказала сама себе какую-то банальность вроде: «Держись, дорогуша, прорвемся!»

Слова рассыпались стеклянной дробью, а меня охватил слепой ужас, так что я готова была откусить себе язык, только бы больше ничего никогда не произнести. Звук моего голоса, одинокий и жалобный, был полон такой горечи, такого безумия, что я не могла его слышать.

Теперь я всегда сижу в тишине. Разумеется, когда нахожусь одна. Ему мне отвечать приходится, но это все-таки не одно и то же. Любой, даже самый плохой собеседник лучше, чем демон, что живет внутри моей головы, и готов выползти наружу, стоит лишь опрометчиво позвать, окликнуть его...

Мой мучитель полагает, что знает обо мне все, что подчинил меня себе. Так и есть: я завишу от него целиком и полностью, как новорожденный младенец от матери.

Сердце мое бьется, потому что он пока не пожелал остановить его. Мой желудок наполнен, потому что ему не нужно, чтобы я ослабла от голода. Я умыта и чисто одета, потому что ему отвратительно видеть грязные лохмотья и вдыхать запах немытого тела.

И все же есть кое-что, чего он обо мне не знает. Он думает, я открыта полностью, до самого дна, как пустая консервная банка, но он ошибается. Стол, за которым я сижу, хранит мой секрет. А то, что я знаю о времени его прихода, все-таки помогает сберечь мою тайну.

Мне кажется, я потеряла способность бояться. Что может испугать человека, у которого все отнято, даже право уйти из жизни? Тревожит только одно: в авторучке скоро закончится паста, а новую мне взять негде. Я не смогу писать, как делаю это сейчас, и вот тогда наступит настоящий мрак.

Но я стараюсь не думать об этом. Пока еще могу выводить на бумаге свои каракули – и это хорошо. А потом, возможно, мне повезет: к тому времени высшие силы решат, что я достаточно настрадалась, и сжалятся надо мной.

Справа от меня на стене висит картина. На ней изображено окно. За этим нарисованным окном идет снег и видно дорогу. Белая лента пустынна, на ней никого нет и не будет. Иногда я представляю, как вскакиваю и бегу по безмолвной дороге – бегу далеко, к синей линии горизонта.

Но чаще мне кажется, что если бы и я смогла каким-то чудом вырваться, встать на ноги и убежать, то все равно вернулась бы обратно.

Вернулась бы, потому что все дороги ведут только сюда – по крайней мере, те, что открыты мне. А еще потому, что иного мира не существует. Есть только эта душная комната, это кресло, стол, стена, а на ней – портреты и часы, которые с тупым безразличием отсчитывают оставшееся мне время...

Глава вторая

Когда они с Артуром еще жили вместе, Катя каждую субботу затевала уборку. Муж, как правило, в этот день работал, так что она в одиночестве пылесосила, протирала пыль и драила полы, хотя терпеть не могла всю эту возню.

К приходу Артура дом сиял чистотой, но в глубине души Катя знала, что муж вряд ли отдает себе в этом отчет и замечает ее усилия. Не то чтобы он был неряхой – просто порядок был для Артура такой же нормой, как ежедневная чистка зубов. Вот если бы Катя запустила дом, он бы это заметил.

Теперь, когда Артур уже не жил с ней, Катя могла бы изменить свои привычки, перестать «генералить» квартиру или хотя бы делать это реже. Но она, наоборот, чистила и мыла с удвоенным рвением.

Катя ловила себя на мысли, что многое в последнее время начала делать не потому, что ей нравится, и даже не потому, что привыкла, а просто желая доказать что-то Артуру. Или насолить ему – что в данном случае то же самое.

Только вот что доказывать человеку, который о тебе и думать забыл? Чего можно добиться субботним очистительным ритуалом? Каким образом фанатичная чистка плитинусов и раковины поможет Артуру понять, что он сделал ошибку, бросив Катю?

«Боже, здесь так уютно! Ты отличная хозяйка! Я поступил как последняя сволочь, а ты не сдалась и не залегла на диван, позволив нашему гнездышку зарости грязью! Я был не прав – прости меня!» – воскликнет Артур, появившись однажды на пороге.

Если бы кто-то осмелился предположить, что Катя верит в этот бред, потому и старается, она бы плюнула ему в лицо. Но в глубине души все равно знала, что дело обстоит примерно так.

Для них двоих, считал Артур, двухкомнатная квартира почти в семьдесят квадратов была маловата: он привык к размаху и простору. В отличие от Кати, Артур из очень обеспеченной семьи, детство его прошло в большом коттедже на берегу Камы.

Уйдя от Кати, он оставил квартиру ей, хотя мог бы настаивать на разделе имущества после развода. Средств от проданной десятиметровой комнаты, доставшейся Кате от бабушки, едва хватило на первоначальный взнос, все остальное выплатил Артур, так что она поняла бы его желание вернуть деньги.

Но бывший муж не стал мелочиться. Ей бы радоваться: зарабатывала Катя средне, и если бы пришлось брать ипотеку, то выплачивала бы ее до конца жизни.

Но вместо радости она испытывала чувство сродни досаде. Выставь себя Артур скупердям и пошляком, возмись делить с нею ложки, он дал бы ей повод ненавидеть себя. Может, в костре ненависти и страха остаться без крыши над головой сторели бы и любовь, и тоска по нему, и желание все вернуть. А так...

Катя бродила по опустевшей квартире, словно искала неизвестно чего и кого. То ли ушедшее навсегда прошлое, то ли саму себя. Ложилась на кровать, которую делила с Артуром, вставала под душ, выглядывала в окна, смотрела на место, куда бывший муж обычно ставил машину, а по субботам – мыла, чистила, скребла. И каждую минуту, каждую секунду сознавала свое одиночество.

В десять позвонила мать.

Созванивались они нечасто, виделись и того реже, и не сказать, чтобы к полному обоюдному удовольствию. Нет, не ссорились и не конфликтовали – просто мало понимали друг друга, потому что были слишком разными.

Мать, по ее собственным словам, «стояла» на рынке – у нее была своя точка. Прежде точек было три, на разных крытых городских рынках, которые теперь назывались торговыми центрами, но торговли не стало, и объемы пришлось сократить.

Вера Сергеевна была женщина простая, без затей, обладающая деревенской сноровкой и хваткой, хитроватая и немного бесцеремонная. Шумная, громкоголосая, она заполняла собою пространство, заставляя остальных жаться по углам.

Все вокруг нее вертелось, бурлило, фонтанировало. «К чему этот трескучий гром, эти молнии?» – думала Катя, каждый раз испытывая досаду, когда мать начинала рассказывать, что в очередной раз затеяла ремонт или принялась сводить счеты с соседями.

Молчаливая, углубленная в себя, Катя вызывала у матери смутную жалость и вместе с тем – недоумение. Она ждала чего-то ясного и понятного: непоседливых внуков, многолюдных семейных сборищ, совместных поездок на шашлыки, летних фотографий на фоне моря.

Артура Вера Сергеевна недолюбливала и опасалась: он казался еще более отстраненным и холодным, чем дочь. Тоже вечно говорил непонятное, смотрел со скрытой усмешкой... Но когда богатенький выскочка бросил Катю, все стало еще запутанней и хуже.

Катя много раз хотела поговорить с матерью по душам, объяснить что-то, чего, по правде говоря, и сама не могла понять, а, главное, попросить больше не задавать убийственных в своей бестактности вопросов.

Но не могла. Не получалось. Не находилось слов.

– Убираешься? – спросила мать. – Ладно, я на минутку. Как дела? – И, как обычно, не дожидаясь ответа: – Торговли нет.

Катя вздохнула – это должно было изображать сочувствие.

– Артур не звонил?

«Вот зачем, зачем она каждый раз об этом спрашивает?!»

Катя вцепилась в телефон и сжала челюсти, чтобы не заорать, не наговорить матери лишнего.

– С чего ему звонить? Мы развелись полгода назад.

– Ну, так-то да... Не знаешь, есть у него кто? Если нет, может...

– Мама! Прекрати, пожалуйста! Ничего не «может».

– Все-все, не кипятись. Я чего звоню. Тетя Лида – ты ее знаешь, рядом со мной стоит, обувь возит. Такие босоножки привезла... – Мать причмокнула от удовольствия. – Очень стильные. И как раз на твою ногу, на высокий подъем. Оставить тебе? Посмотришь?

Катя еще не могла отойти от прежнего вопроса. Может, и стоило посмотреть, что за чудо привезла из Москвы тетя Лида, но сама мысль тащиться через весь город, ловить на себе любопытствующие взгляды многочисленных маминых товаров вызывала тошноту.

– Спасибо. Мне есть что носить, – отрывисто бросила она, борясь с подступающими слезами.

– Как хочешь. – Чувствовалось, что мать обижена. – Я ведь как лучше...

Катя понимала: теперь она решит, будто дочь побрезговала, пренебрегла ее предложением, поскольку ставит себя слишком высоко, чтобы носить туфли, привезенные какой-то тетей Лидой с московской оптовой барахолки.

Надо бы извиниться, объясниться с ней, но что сказать? Что мать своими вопросами заставляет Катю чувствовать себя неудачницей? Если начать говорить всю правду, то двумя словами не отделаешься. Разговор получится долгий и тягостный – кому это нужно?

Они скомкано попрощались, недовольные собою и друг другом. «Ничего, как-нибудь в другой раз я приглашу ее в гости, – подумала Катя. – Приглашу и...»

И ничего хорошего, скорее всего, не получится. Слишком много между ними непонимания и взаимного недовольства. Катя постаралась отмахнуться от тяжелых мыслей, включила музыку погромче.

Она пылесосила под компьютерным столом, который стоял в углу комнаты, возле окна. Раньше на нем помещался компьютер Артура, но он забрал его, когда уходил. А стол так и

остался – голый, пустой, чересчур громоздкий для цветочного горшка и пары безделушек, которые водрузила на него Катя.

– Только место занимает! – вслух сказала она и выключила пылесос, вдруг почему-то разозлившись на ни в чем не повинный стол. Ей внезапно захотелось избавиться от него. – Стоит тут, раскорячился ни к селу ни к городу!

Артуру этот монстр не нужен: он себе, наверное, новый купил – вместе со всей остальной мебелью и квартирой. А ей оставил эту рухлядь.

«Брось, никакая это не рухлядь».

«Пускай даже и так! – заспорила сама с собой Катя. – Я от него избавлюсь и поставлю сюда кресло. Или тумбочку какую-нибудь».

Вот именно это она и сделает! Отправится в магазин и выберет что-то новенькое! Отличный повод привнести в жизнь хоть какое-то разнообразие.

Но куда девать стол? Впрочем, это как раз не проблема.

– Мам, это опять я.

– Передумала? Насчет босоножек? – Мать так обрадовалась, что Кате стало неловко.

– Нет... То есть, может, в другой раз, но я... В общем, у меня стол есть компьютерный. Хороший, с ящиками. Ты не знаешь, может, кому-то надо? Я бы бесплатно отдала.

Мама оказалась в своей стихии. Размолвка была забыта, она увлеченно взялась за дело. Через некоторое время перезвонила и объявила:

– Катюш, через час Дамир подъедет, заберет!

Чернявый, маленький, юркий Дамир показался Кате похожим на жука. Он не ходил, а бегал и на ходу постоянно вертел головой и размахивал тонкими смуглыми руками-лапками. Катю он называл «хозяйкой».

Отказавшись от ее помощи, Дамир принялся разбирать стол, бормоча себе под нос. Она ушла на кухню, чтобы не стоять у него над душой.

– Хозяйка! – позвал Дамир через какое-то время.

Катя вернулась в комнату. Стол был почти разобран: ящики лежали на полу, рядом со столешницей. Дамир что-то сосредоточено отвинчивал.

Она спросила, зачем он звал ее, и мужчина мотнул головой в сторону дивана:

– Вон, положил. Выпало, когда от стены отодвигал.

Катя подошла ближе и увидела белый пластиковый конверт, посередине застегивающийся на кнопку.

– За стол завалился, – сказал Дамир, откручивая очередную гайку. – У меня тоже бывает – ищешь, ищешь чего-нибудь, а оно лежит себе тихонечко и молчит!

Катя криво улыбнулась, кивнула и вернулась на кухню с конвертом в руках. Повертела его и открыла. Внутри оказались чистые листы бумаги, большая цветная фотография и флешка.

На снимке был запечатлен дом. Приземистый, одноэтажный, из белого кирпича. Дом как дом. Никакой надписи на обороте не было.

Катя ничуть не удивилась находке: Артур владел агентством недвижимости. Подобных фотографий у него был миллион – и в конвертах, и без, и в электронном виде, и в бумажном.

Засунув снимок обратно, Катя вытащила флешку, повертела ее в руках. Черный прямоугольничек, без надписей и рисунков, зато с колечком на витой серебристой цепочке. Можно использовать как брелок для ключей.

Катя постаралась вспомнить, видела ли у Артура эту вещь, но так и не сумела. Возможно, флешка принадлежит не Артуру, а кому-то из коллег или клиентов. Но, видимо, не так уж нужны ему снимок и флешка, раз он за полгода не вспомнил о них, не попросил поискать пропажу.

– Готово, хозяйка! – доложил Дамир.

Катя положила флешку и конверт на подоконник и поспешила к нему. Мужчина вынес разобранный стол в прихожую, потом перетащил к лифту. От предложения помочь спустить стол к машине снова отказался.

– И так уж неудобно, денег не берете. – Он сунул руку в пакет, который принес с собой, и вынул коробку шоколадных конфет. – Это вам.

– Зачем? Что мы как в паспортном столе! – Катя попыталась отказаться, но Дамир все же всучил ей пеструю коробку.

– Почему в паспортном? Просто неудобно, – снова сказал он, и Катя сдалась. Все равно ведь не отстанет.

После ухода Дамира в квартире остался его запах – смесь сладковатого аромата одеколona, пота и еще чего-то терпкого, душноватого. Катя раскрыла настежь балконную дверь и все окна.

На месте, где стоял стол, зияла дыра. Как будто зуб удалили, подумалось ей. Комната сразу лишилась нужных пропорций, как будто перекосилась, стала выглядеть убогой и сиротливой. И с чего ей вдруг приспичило убирать стол? Ладно, чего теперь жалеть.

Катя протерла пол, убрала пушистые серые комки пыли, которая, оказывается, скопилась под столом, и решила, что тянуть с поездкой в мебельный не станет. Природа не терпит пустоты. Надо бы поскорее заткнуть дыру – правда, пока неясно чем.

Остаток дня она бродила по шведскому магазину: всегда любила бывать в «ИКЕА». Ей нравились мебель, посуда, текстиль, домашняя утварь с труднопроизносимыми, забавными названиями. Разумеется, набрала в тележку всякой ерунды, без которой прекрасно обходилась, но которая внезапно показалась такой нужной.

В угол, где прежде стоял стол, Катя решила поставить маленький стеклянный столик и высокий торшер, похожий на белый кувшин с узким горлом. Вечерами будет сидеть на диване, читать при свете торшера взятую со столика книгу. Идиллия.

В тот же вечер Катя осуществила задуманное: сидела, пила чай с лимоном, читала. На душе как будто стало немножечко легче.

Может, Маша права? Чего ей жаловаться? Молодая (можно даже не прибавлять смущенно-оправдательного «еще»), симпатичная. Работа хорошая, квартира большая, красивая. Светильник вот модный купила...

Надо встряхнуться, перестать жалеть себя, выползти из кокона, изменить что-то – в окружающей обстановке, в отношениях с людьми.

Катя протянула руку к выключателю. Щелчок – выключила свет. Щелчок – снова включила. Золотистый кружок, похожий на маленькое искусственное солнце, то исчезал, то появлялся на потолке.

Если бы все жизни можно было изменить вот так, одним легким нажатием на нужную клавишу, подумалось ей. Надавил на «DELETE» – и стер плохое: грустные воспоминания, напрасные надежды, боль, обиду.

А потом взял – и написал историю заново. Так, как тебе хочется.

С теми, кто останется с тобой навсегда.

Глава третья

Про вчерашнюю находку Катя вспомнила только в воскресенье: увидела утром на кухонном подоконнике белый пластиковый конверт и решила взглянуть, что записано на флешке-брелоке.

Включила ноутбук и, только вставив флешку в гнездо, запоздало сообразила, что это может быть небезопасно: вдруг на ней окажется вирус? Этого только не хватало.

Но антивирус не заругался, не выбросил на экран гневное предупреждение. По всей видимости, флешка была чистая.

Чистая и почти пустая: всего одна папка под названием «Дом».

Катя щелкнула мышкой и открыла ее. Фотографии. Немного – штук пятнадцать. Она принялась просматривать их по очереди. Везде был изображен тот же дом, что и на снимке, лежащем в конверте. Видимо, Артур, собираясь выставить дом на продажу, обошел его кругом и сфотографировал с разных сторон.

Далее шли фотографии внутреннего убранства. Комнаты почти пустые, никакой техники, безделушек, картин, светильников, штор, паласов и ковриков на полу. Катя подумала, что из-за этого комнаты кажутся голыми, но более просторными, чем на самом деле. Однако та мебель, что имелаась в доме, была добротная, удобная, недешевая, хотя и без особых изысков. Особенно впечатлила Катю кухня. Здесь было все, что нужно: как любят говорить риелторы, «заезжай и живи».

Она нажимала на клавишу мышки, переходя от одного снимка к другому, рассеянно скользя по ним взглядом. В какой-то момент что-то показалось ей странным, царапнуло, озадачило, но что именно, Катя осознать не успела.

Прежде чем неясное ощущение превратилось в оформленную мысль, зазвонил телефон. На экранчике возникло улыбающееся Машино лицо.

Подруги называли это «контрольным звонком»: в те дни, когда не виделись, обязательно созванивались узнать, как дела. Катя встала и с телефоном в руке пошла в кухню – разговаривала она обычно на ходу.

– Чем занимаешься? – спросила Маша, когда получила полный отчет о вчерашних Катиних покупках.

Катя открыла рот, чтобы ответить, но передумала. Если сказать, что нашла флешку Артура и смотрит, что на ней записано, запросто можно нарваться на очередную нотацию. Хотя сама Катя не видела в этом ничего особенного.

– Да так, – неопределенно промямлила она, – читаю.

К тому времени она уже опять вернулась в комнату и, глядя издали на стоящий на столике ноутбук, уловила на экране какое-то движение, мельтешение, похожее на то, будто кто-то поспешно, на очень высокой скорости разворачивает и сворачивает окна, открывает и закрывает файлы и папки.

Уже не слушая, что говорит Маша, Катя быстро пересекла комнату, подошла к ноутбуку, но ничего особенного не увидела. На экране висел тот же самый снимок дома, который она оставила. Она могла бы поклясться, что ей не показалось, но сейчас все было в порядке. Никакого мелькания.

– Эй, ты чего там? Уснула?

– Нет, просто с ноутбуком что-то, – ответила Катя.

– С ноутбуком? Ты же сказала, что читаешь.

«Вот черт!»

– Так я и читаю. С экрана.

Попрощавшись с Машей, Катя некоторое время сидела, в задумчивости глядя на монитор. Было что-то или не было? Но даже если и было – может, это какой-то обычный, часто встречающийся компьютерный косяк? Она понятия не имела, бывает ли такое. А вдруг все же вирус попал?

С техникой Катя была на «вы». А уж с компьютерной – подавно. Максимум, на что ее хватало – полазить в Интернете, посмотреть фильм, скачать музыку или купить электронную книгу. На работе она давно пользовалась программами по ведению складского учета, но ни в какие особые дебри не лезла.

«А если это хакеры?» – ужаснулась Катя, но тут же сама себя одернула. Ага, конечно! Какие хакеры?! Зачем им взламывать ее домашний ноутбук? Более скучного содержимого еще поискать. Там всего-то три папки, подписанные безлико, с ученической робостью: «Фотографии» (снимки были рассортированы еще по нескольким папкам, названным столь же лаконично, по местам съемок), «Музыка» и «Книги».

В папке «Книги», кроме электронных книг, имелся файл под названием «Список». Катя с детства привыкла вести читательский дневник, куда записывала прочитанные книги и иногда – свои впечатления о них. Сначала писала на бумаге, а теперь – в электронном виде, занеся в свой каталог все прочитанное в прежние годы.

И какому хакеру, скажите на милость, понадобится эта ценнейшая информация? Кому нужно знать, что Катя думает о Маркесе и Фицджеральде, за что любит триллеры Ю Несбё и почему ее не впечатлила Дженнифер Макмахон?

Решив не ломать голову, Катя закрыла фотографии, переместила курсор в нижний правый угол и, как добросовестный пользователь, аккуратно нажала на значок безопасного извлечения устройств и дисков.

Ноутбук немедленно дал разрешение, сообщив, что «Оборудование может быть извлечено», и Катя вытащила флешку из гнезда. Сунула в конверт к лежащей там фотографии и повертела пластик в руках. Что с этим добром делать? Выкинуть? Нет, пускай пока полежит, выбросить его она всегда успеет. Катя убрала конверт в книжный шкаф, поверх книг.

Когда через некоторое время она стала выключать ноутбук, то обнаружила, что значок съемного диска не исчез, так и оставшись на панели. И в папке «Мой компьютер» – тоже. Флешка была извлечена, но ноутбук ее почему-то «видел».

«Не многовато ли странностей? Может, в ремонт отнести?» – подумала Катя.

С другой стороны, из-за какой-то мелочи – сразу бежать чинить? Вполне возможно, в следующий раз, когда она включит ноутбук, значок пропадет сам собой. С этими компьютерами вечно случаются подобные вещи. Капризная техника.

Значок не исчез ни в следующий раз, ни потом. Катя включала и выключала ноутбук, выходила в Интернет, слушала музыку, вела свой читательский дневник – все работало безупречно. Если не считать упрямого значка.

– Надо, может, «винду» переустановить, – с важным видом заявила Маша, когда услышала о проблеме.

– Может, – неопределенно кивнула Катя, зная, что подруга разбирается в компьютерах примерно так же, как и она сама.

Позже к ним в кабинет заглянул системный администратор Айрат. Они позвали его, потому что после замены картриджа принтер отказывался печатать документы. Катя спросила у него про не гаснущий значок.

– Перезагружали? – со скучающим видом спросил парень. «Вот, снова здорово! Как вы все меня достали, куры!» – читалось в его глазах.

Коллектив у них был в основном женский, и Айрат устал от постоянных вопросов и жалоб на неработающие компьютеры и МФУ (причем по большей части для решения про-

блемы достаточно было нормально вставить штекер). Айрат был моложе Кати лет на десять, но она немного побаивалась его всезнайства и слегка агрессивной «продвинутой».

– Перезагружала, – робко ответила она.

– Не могу так сказать. Принесите, посмотрю, – вздохнул он, проглотив невысказанное: «Чтоб ты провалилась вместе со своим лэптопом!»

Катя кивнула, поблагодарила, но приносить не стала. Вскоре она привыкла к наличию значка и перестала обращать на него внимание. Тем более что стало как-то не до того: в Катиной жизни произошло судьбоносное событие. Она познакомилась с мужчиной.

Сама от себя такого не ожидала, однако же...

Как-то вечером в пятницу сидела дома, пила чай, смотрела телевизор и вдруг подумала: а может, хватит уже этих вечеров? Одиноких, пустых, тоскливых. Делających ее, молодую и (чего уж там!) вполне привлекательную женщину некрасивой, закомплексованной, погрязшей в бесконечном самокопании занудой.

Настроение весь день было ни к черту: с утра в метро ее называли «женщиной». Сопляк какой-то «одарил» – в прямоугольных очках без оправы, стриженный под ноль, зато с косичкой на макушке.

– Женщина, будете выходить? – Вот в каком контексте это прозвучало.

Что за нелепые обращения у нас приняты – «девушка», «женщина», злясь на весь свет, размышляла Катя. Как бы чудесно звучало «госпожа» – уважительно и без намека на возраст! К продавщице в магазине, будь ей хоть пятьдесят лет, обратятся непременно «девушка», а тут – поглядел, наверное, мельком, оценил, прикинул... Но неужели на девушку она уже не тянет? Еще бы место уступил, как пенсионерке!

Придя на работу, Катя долго смотрела на себя в зеркало, словно на незнакомого человека. Отталкивающим отражение точно не было: густые каштановые волосы (пока без седины, слава богу), миловидное лицо, черты мелковатые, но правильные, глаза красивые. Фигура неплохая, ноги – тоже. Не кривые, не иксом, стройные.

«Не майская роза, конечно, но вроде ничего, – решила Катя, а следом подумала: – Вот именно – ничего! Полный ноль. Типичный облик старой девы или тихой несчастной разведенки. Приглашенная, причесанная, аккуратная моль».

Хлопнула дверь. Прибежала взмыленная Маша – как всегда, на последней минуте, и с ходу принялась рассказывать, что у них дома творилось утром. Катя слушала, кивала машинально и вдруг поняла: ей надоело каждый раз выслушивать, как подруга собирает дочь в школу, что у Лелика с утра опять желудок «подсасывает», а в машине что-то барахлит.

Подробности чужой, непонятной, несмотря на обыденность, жизни наскучили. К тому же показалось, что Маша (неосознанно, конечно!) своими рассказами подчеркивает, что у Кати нет и, возможно, не будет ни дочки-балбески, ни мужа, ни семейного автомобиля. Катя поспешила прогнать это ощущение, пока оно не закрепилось: ясно же, что на самом деле Маша меньше всего стремилась задеть ее.

День катился по накатанной, близился вечер, а неприятный эпизод так и застрял в голове, не давая покоя. Катя перебирала накладные, вносила данные в компьютер, подписывала и распечатывала документы, а где-то на заднем фоне, на задворках сознания вертелось: «Знакомиться уже давно никто не подходит, вот и девушкой звать перестают, а дальше что? Сорок лет – бабий век?»

Сидя вечером на диване, она вдруг осознала, что жизнь – та, которая могла бы у нее быть – проходит мимо. Растворяется в скучных буднях. Дни одинаково начинаются и заканчиваются, меняются лишь цифры на календаре. Время идет, но ничего нового не происходит.

«Хоть попробовать-то я могу?»

Боясь передумать, Катя вылила чай в раковину, включила ноутбук и зарегистрировалась на сайте знакомств. Маша давно советовала:

– Вполне современно! Не по улицам же бегать в поисках. Так многие делают, мне говорили! – В этом месте обычно приводилась в пример история счастливого знакомства и удачного барка.

Все оказалось не так страшно. Сайт она выбрала первый попавшийся – тот, что шел выше всех в списке выпавших. Недолго думая, Катя поставила ограничения, отметив, что желает познакомиться с мужчиной из своего города, к переезду не готова и ищет серьезных отношений для брака и создания семьи.

После секундной обработки данных на экране возникла надпись: «По вашим запросам найдены семьсот сорок пять мужчин. Из них четыреста пятьдесят четыре онлайн. Желаете заполнить анкету?»

– Надо же, как их много! – удивилась Катя. При таком количестве хоть один да подойдет, наверное.

Анкету она заполняла долго – минут сорок, если не больше. Поначалу не покидало чувство неловкости: стыдно было расписывать свои достоинства, старательно умалчивая о недостатках. Казалось унижительным рассказывать про телосложение и фигуру. Вероисповедание, образование, вредные привычки, склонности... Неужели найдется тот, кто станет вчитываться в эти строки в надежде познакомиться с ней?

Еще было интересно, насколько велик процент лжи в чужих анкетах: ясно же, что всю правду о себе никто не напишет. Она ведь тоже не написала. Но чего все-таки больше: правды или кривды?

Получается, если не приврать, не преувеличить или, наоборот, не преуменьшить, если рассказать о себе все как есть, то никому не будешь нужна? С другой стороны, на людях мы всегда немного другие, поэтому по-настоящему открыться и открыть для себя кого-то можно лишь спустя некоторое время.

Понемногу Катя освоилась, даже вошла во вкус и, перечитывая написанное, в итоге осталась довольна.

Только вот фотографию размещать не рискнула, рассудила, что если познакомится с кем-то, то ему и пришлет. Выставлять снимок на всеобщее обозрение страшно: вдруг кто из знакомых увидит? Конечно, она не делает ничего предосудительного, но... Катя представила себе лицо Артура, если тот узнает, что она ищет себе жениха, и содрогнулась.

В тот вечер долго не могла заснуть: ворочалась с боку на бок, гадала, правильно ли поступила, ввязавшись в эту авантюру. С одной стороны – «не было печали, купила Катя поросся». Кто знает, чем обернется ее затея?

Но вместе с тем не покидало подзабытое, оставленное где-то в юности щекочущее чувство радостного возбуждения от того, что она может изменить свою жизнь, призвав в нее нового человека.

Вторая интерлюдия

Почему здесь так темно?

Он несколько раз моргнул, помассировал пальцами веки. Распахнул глаза как можно шире, словно это могло помочь разглядеть хоть что-нибудь впереди себя, но добился только того, что они заболели и заслезились.

Не помогло. Тьма была непроницаема, как стена. Непреодолима.

Когда был маленьким, всегда истошно вопил и плакал, просыпаясь в темноте. С вечера просил оставить ночник включенным, но взрослые неизменно оказывались глухи: они пытались приучить его спать при выключенном свете.

«Не выдумывай, тут нет ничего страшного», – говорила мать, выключая лампу.

«Настоящие мужчины не плачут. Только слабаки боятся темноты!» – кривился отец.

Они оба давно уже в могиле.

Он надеялся, что там достаточно темно, чтобы отец мог проявить силу своего настоящего мужского характера. Про мать вообще не думал – давно отвык. Она умерла так рано, что он не успел толком узнать ее. Единственным воспоминанием о ней было, как полная белая рука тянется к выключателю и погружает мир во тьму.

Когда мать умерла, все кругом жалели его, думали, что он страдает. Он и страдал – только причина была не в том, что испытывал боль утраты. Он ждал, что уйдя во мрак, мать заберет тьму с собой. Но этого не случилось. Тьма осталась.

Став взрослым, он всегда спал при свете, обязательно включал ночник. Уже знал, что от тьмы не избавиться, но можно сделать так, чтобы не оставаться с ней один на один на ее территории.

Потом в его жизнь вошла Она.

Чудо, настоящее чудо! Она наполняла его светом до краев – и этот свет был таким мощным и горячим, что огромной волной лился изнутри. Внешние искусственные источники стали не нужны: темнота отступила – Она прогнала ее.

...Но потом Она ушла. Он снова остался в одиночестве, потому что Она покинула его. Он не мог вспомнить, как это случилось. Вернее, смог бы, если бы захотел, но он не хотел.

После Ее ухода тьма догнала его, теперь уже навсегда оставшись подле него, и ему пришлось с этим смириться. Научиться жить бок о бок с ней. Но он смог, он справился. Понял, что ему нужно делать, чтобы не потеряться в темноте, – и делал это... до недавнего времени.

До того момента, как открыл глаза и обнаружил себя в странном незнакомом месте. Что случилось до этого? Как он тут оказался? Что это за место – подвал? Пещера? Тоннель? Склеп? Камера?

Был обычный вечер – один из многих. Почему же он закончился здесь?

Он поднял руку и прижал ладонь ко лбу. Ладонь была холодной, а лоб горячим. Во рту стало сухо: нарастала паника. Он казался себе маленьким мальчиком, который проснулся в темной комнате. Ощущение, что он попал в прошлое, стало настолько сильным, что он открыл рот, желая позвать мать...

Но вовремя вспомнил, что не стоит кричать в темноту – она только и ждет того, чтобы отозваться на твой зов!

Нужно попытаться выбраться самому. Успокоиться, сделать шаг, пойти вперед, не думая, что тьма омывает тело подобно прохладной речной воде, погружая в глубину, затягивая внутрь себя.

Он раскинул руки, обшаривая пространство. Сначала осторожно, робко, потом все смелее. Руки не встретили преграды – кругом была пустота. Тогда он попытался шагнуть, потом еще раз. Путь перед ним был свободен, хотя и неизвестно, куда могла завести эта дорога.

Стараясь двигаться как можно аккуратнее, без спешки и суеты, он заскользил, почти не отрывая ступней от пола: если впереди окажется обрыв, он сумеет остановиться на краю, не упасть.

В какой-то момент перед ним мелькнул отблеск. Крошечный, почти не различимый в кремином мраке огонек, что маячил далеко впереди.

«Свет!», – прошептал он, облизнув потрескавшиеся губы.

Еще немного, и он будет спасен. Главное – добраться!

Он ускорил шаг, позабыв об опасности. Удача была на его стороне: он не упал, растянувшись на гладком полу, не споткнулся, не повредил ногу. Он уже почти бежал – и огонек становился ближе, крупнее, ярче.

Мчись на этот ласковый, дарящий надежду свет, он не думал о том, что может служить его источником. Он позабыл, насколько коварна и губительна может быть тьма, не вспомнил о ловушках и приманках, которые она оставляет, стараясь увлечь за собой.

Он бежал, и верил, и ждал избавления – а когда оказался совсем близко и понял, к чему бежал, что его ждало, поворачивать назад было уже поздно.

Тьма вновь обманула его.

Глава четвертая

Зарегистрировавшись на сайте, Катя дала себе слово: не будет она смотреть каждые пять минут, не пришло ли ей новое сообщение! Да и вообще не зайдет на сайт в течение рабочего дня. Можно скачать на смартфон соответствующее приложение – так было бы проще всего, но Катя решила, что не станет: незачем придавать всему этому чрезмерно большое значение.

Пока ехала в метро на работу следующим утром, уговаривала себя не питать особых надежд, смотреть на все, как на игру. Ясно же, что каждый второй на этом сайте – искатель приключений или, хуже того, извращенец. Мало кто на самом деле ищет жену – в лучшем случае, любовницу.

Но верить в лучшее так хотелось! К тому же Катя поняла, что за все утро не вспомнила про Артура. Вернее, вспомнить, конечно, вспомнила, его тень постоянно маячила в ее подсознании, от этого избавиться пока не получалось. Но на этот раз она хотя бы не пыталась представить, с кем он проснулся в одной постели, кто готовил ему завтрак и поцеловал, провожая на работу. Уже прогресс.

Самое странное, что нечто свыше будто подало ей знак: все будет хорошо! И хотя Катя была здравомыслящей девушкой, не верящей в разную мистическую чепуху, тут вдруг прониклась.

А дело было в том, что у нее неожиданно зацвела «невеста принца», подаренная Машей.

Они делили на двоих просторный кабинет, который казался меньше из-за стоящих всюду цветочных горшков. Комнатные растения были Машиной страстью. Она занималась ими вдохновенно, могла бесконечно говорить о тонкостях ухода, и, будь ее воля, только бы и делала, что высаживала, пикировала, рыхлила, прикармливала, поливала.

Катя была от всего этого бесконечно далека, ничего не смыслила в растениеводстве и каждый раз умудрялась загубить даже самые неприхотливые, не требующие особой заботы цветы, которые пыталась всучить ей Маша.

«Невесту принца» (сложного научного названия Катя не запомнила) Маша притащила ей месяца три назад.

– Поливай раз в неделю, не убирай с подоконника – и все. Через месяц зацветет. Цветочки мелкие, но такие красивые, душистые – закачаешься!

Но «невеста» цвести не желала ни в какую, хотя Катя прилежно поливала цветок, как учила подруга. Наверное, аура у нее какая-то не такая – не как у Маши.

А сегодня утром Катя подошла к окну и замерла от восторга: невысокое растение было усыпано белыми душистыми цветками! Это было так красиво, трогательно и... символично. Как ни крути, символично!

Весь день Катя, верная своему обещанию, запрещала себе думать о том, мог ли кто-то заинтересоваться ее анкетой. К счастью, работы было полно, даже Маша почти все время молчала, погрузившись в цифры.

Дома, плюнув на приготовление ужина, Катя сразу включила ноутбук. Сообщений было шесть – от шести мужчин. Много это или мало? «Не сказать, чтобы женихи попорли косяками, но все же весьма неплохо», – решила Катя. Особенно если учесть, что до сегодняшнего дня на ее внимание не претендовал никто.

Правда, никому из «великолепной шестерки» Катя отвечать не стала.

Двое, судя по всему, относились к желающим разнообразить досуг. Один был слишком молод, на десять лет моложе Кати, да к тому же писал с грамматическими ошибками. Следующий кандидат в женихи оказался, наоборот, предпенсионного возраста, но при этом сыпал глупыми намеками и шуточками ниже пояса. Два оставшихся претендента требовали фотографии, и интонации их писем были хамовато-развязными.

Разочарованная сильнее, чем желала себе признаться, Катя отодвинула от себя ноутбук и занялась привычными ежевечерними делами, стараясь не слишком расстраиваться.

– Чего раскисла-то? – Оставшись одна, Катя частенько говорила сама с собой вслух. – Ты же и не думала, что очередь выстроится. Знала, что нормальных мужиков давно разобрали, они не на сайтах сидят, а дома, с женами.

Все верно: и не верила, и не ждала, и знала, а только все равно обидно, что в очередной раз щелкнули по носу.

«Может, удалить анкету?» – думала Катя, убирая посуду после ужина. – Или подождать пару дней?»

Письмо, получить которое она втайне рассчитывала, пришло в половине десятого, когда она собиралась выключить ноутбук и лечь почитать перед сном.

«Добрый вечер, Катя! Могу я к Вам так обращаться? Или лучше называть Екатериной, как указано в Вашей анкете?»

Меня зовут Никита. Не знаю, что лучше писать девушке в подобных случаях, прежде мне не случалось знакомиться на сайтах. Недавно зарегистрировался, вчера увидел Вашу анкету. Если у Вас есть желание пообщаться со мной, буду очень рад».

Письмо было составлено грамотно, тон – уважительный, ничего лишнего.

Катя перешла на страничку Никиты, принялась изучать его профиль.

Тридцать шесть лет. В юности неудачно женился, год спустя развелся. Детей нет. Образование высшее. Собственная квартира, собственный бизнес в IT-сфере. Интроверт: предпочитает чтение книг шумным компаниям. Любит музыку. Много путешествует. Желает встретить «серьезную, добрую, порядочную девушку, для которой семейные ценности – не пустой звук» – прямо так и написано.

С фотографии, сделанной на фоне морского пейзажа, на Катю смотрел темноволосый, спортивного телосложения мужчина. Взгляд прямой, без тени улыбки, но лицо открытое, располагающее. Красавцем не назовешь, черты резковатые, зато без слащавости. Стоит свободно: не рисуется, не позирует.

– Кто ты? Зачем я тебе? – задумчиво спросила Катя и стала набирать ответ, взвешивая каждое слово.

«Добрый вечер, Никита! Не скрою, мне было приятно получить от Вас сообщение. Конечно, Вы можете называть меня Катей...»

Так началась переписка.

Катя удивлялась тому, насколько естественно и просто складывалось их общение. Поначалу она была все время настороже, ожидала подвоха, выверяла каждое слово, и потому послания ее были немного чопорными.

Но постепенно оттаяла. Они беседовали как хорошие друзья, и постепенно Катя начала сознавать, что привыкает к новому знакомому, тянется к нему и часто о нем думает.

Ей удавалось сдерживать свое обещание, не заходить на сайт в течение дня, оставляя переписку на вечер. Никита, кстати, тоже появлялся только по вечерам – говорил, что днем очень занят на работе. «А может, как и я, боится впасть в зависимость, начать уделять этому слишком много внимания», – думала Катя, чувствуя, что эта сдержанность вызывает ее симпатию.

Никита был тактичен, неназойлив, не задавал неудобных вопросов. Обращался к Кате корректно, неизменно вежливо, и даже когда они (довольно скоро) перешли на «ты», не начал фамильярничать.

Удивительно, он словно бы чувствовал, чего она ждет от него, и делал именно то, что нужно: не слал ей глупые сердечки и розочки, не расспрашивал о жизни, не пытался строить из себя романтика (это было бы нелепо и неумно), но и сухим прагматиком не был тоже. Не лез с дежурными комплиментами, бесконечными пожеланиями доброго утра и спокойной ночи, но не забывал спросить, все ли у нее в порядке, как прошел день.

У них было много общего – настолько много, что это казалось почти нереальным.

«В твоей анкете написано, что ты любишь читать. Какие книги тебе нравятся? Кто твой любимый автор?»

В ответ Никита признался, что выбрать одного автора и самую любимую книгу ему было бы сложно. Написал, что любит Платонова и Довлатова, Хемингуэя и Моэма, а вот современных авторов-новичков в последнее время читает мало, чтобы избежать разочарований. Катя поняла, что если бы ей задали этот вопрос, она ответила бы точно так же.

Оба слушали классическую музыку и джаз (но исключительно в живом исполнении); любили оперу и были равнодушны к балету; предпочитали активный отдых тюленьему пляжному валянию.

Им не нравилась ставшая чрезвычайно популярной японская кухня, зато оба обожали традиционные татарские блюда вроде эчпочмака, балеша и губадии. (Катя запрещала себе вспоминать, что пристрастилась к этой еде, будучи замужем за Артуром, который был татарин).

«Ты умеешь все это печь?»

«Нет, умею только есть, – отшучивалась Катя, только это была ложь. Умела, еще как, но врала, сама не зная почему. Может, не хотела готовить кому-то, кроме Артура? – И не говори, что ты отлично готовишь! Быть такого не может!»

«А знаешь, может! Действительно, готовить я люблю и умею. Правда, делаю это редко, в особых случаях. Надеюсь, такой случай представится...»

Каждый раз, задавая вопрос о его предпочтениях и получая ответ, Катя думала, что такого единения у нее не было ни с кем и никогда. Даже с Артуром, который не любил читать, а слушал только рок.

Дистанция между ней и Никитой, конечно, сохранялась, но объяснялась не тем, что им было неловко друг с другом. Просто, полагала Катя, они оба осторожничали, обжегшись однажды.

Примерно дней через десять Катя не выдержала и рассказала обо всем Маше. Та, как и следовало ожидать, восприняла новость с восторгом, правда, слегка обидевшись, что ее не поставили в известность сразу же после заполнения анкеты.

– Я и не думала, что из этого что-то путное получится, – попыталась оправдаться Катя.

– Не думала она! – ворчливо заметила Маша. – А что же вы до сих пор не созвонились? И не встретились?

– Мы сразу так решили! – дернула плечом Катя. – Торопиться некуда.

– «Мы» или он?

– Какая разница!

Катя уже жалела, что рассказала подруге про Никиту.

– Погоди-ка, кое-что проверим. – Маша защелкала мышкой, лазая по сайту.

– Что ты хочешь найти?

Та не отвечала, но через некоторое время оторвалась от экрана и одобрительно покачала головой.

– Слушай, а он, похоже, и вправду настроен серьезно.

– С чего ты взяла? – Катя почувствовала, что кровь прилила к лицу, но попыталась проговорить это как можно небрежнее.

«Неужели он так важен для меня?»

– Никиты нет в поиске. Выходит, он закрыл свою анкету для всех остальных пользователей.

– То есть...

– Вот и я о том. Получается, он больше ни с кем не желает знакомиться! Хотя, конечно, может, он не только с тобой переписывается, – сказала Маша, но тут же поняла, что ляпнула глупость, и виновато взглянула на Катю.

«Почему мне самой не приходило в голову, что он может переписываться с кем-то еще?» Но все же в плохое не верилось. Или просто не хотелось верить. Катя вздохнула.

– Брось, я вообще-то не думаю, что он... – Маша оборвала себя на полуслове, решив не заикливаться на щекотливой теме. – А ты-то сама?

– Что – я? Конечно, ни с кем! – возмутилась Катя. – Да там и не с кем!

– Закрывает или нет, спрашиваю? Анкету свою?

– Я как-то не подумала, – растерялась Катя.

– Вот поэтому он и не предлагает встретиться или позвонить! Думает, ты еще выбираешь!

По пути домой Катя прокручивала в голове Машины слова. Кто же из них предложил оставить как есть, на стадии переписки, – не звонить, не встречаться лично? Кажется, так вышло само собой, они не обсуждали этого.

Кате пока встречаться с Никитой не хотелось – было страшновато, к свиданию и даже телефонному звонку или видеосвязи она еще не готова.

А Никита? Тоже не готов или не хочет видаться с ней по другой причине? «Может, он не только с тобой переписывается...» – всплыло в памяти.

Нет, точно не стоило ничего говорить Маше. Пока все держалось в секрете, Катя оставалась спокойной, не мучилась лишними подозрениями. Теперь тайное стало явным, и сразу что-то исчезло: чистота, легкость.

Из виртуального, почти сказочного принца Никита превратился в обычного мужчину, у которого могут быть причины не впускать Катю в свою жизнь.

«Вдруг он женат?» – кольнула мысль. Вдруг сбегает в Интернет от будней и тягот семейной жизни?

Нет, это вряд ли. Будь у него жена под боком, вряд ли Никита имел бы возможность каждый вечер часами напролет торчать в Интернете, строчить огромные письма.

– Симпатичный, – одобрила Маша. – Есть в нем что-то такое... Интригующее. Странно, что его до сих пор не подобрали.

– Он что, щенок? – фыркнула Катя.

– Хотя, может, так «удачно» женился, что всех баб теперь обходит по широкой дуге, – не слушая ее, продолжала размышлять Маша, – вот и сейчас выжидает. – И вынесла окончательный вердикт: – Но ты с этим не тани. Надо увидеться, посмотреть, стоит на него время тратить или нет.

Чего-чего, а времени у Кати вагон. Девать даже некуда – хоть торгуй им вразвес. Хотя, конечно, в широком смысле Маша права: годы-то идут.

Что за нелепая, старушечья фраза! Настроение было испорчено.

Катя злилась на весь свет. На себя – зачем ей понадобилось открывать рот и рассказывать про Никиту? На Машу с ее вечным желанием выдать подругу замуж. Неужели нельзя было просто порадоваться, что Катя вылезла из своей раковины, по-своему счастлива и получает удовольствие от общения с интересным, умным мужчиной? Злилась на Артура, потому что если бы он был рядом, то ничего этого не было бы. И на Никиту – тоже. Неизвестно, правда, почему.

Готовить не хотелось. Катя купила в пекарне пиццу, булочек с маком, а еще – любимого клубничного мороженого: если нет других источников радости, будем радоваться еде.

На сайт она вышла позже обычного, почти в десять вечера. Специально – пусть помучается. Только будет ли он мучиться? А если Никиты нет, и писем от него нет тоже, тем лучше.

Но Никита был. Более того, он беспокоился и ждал ее появления.

«Наконец-то! А я уж не знал, что и думать. То ли случилось что-то, то ли я тебя чем-то обидел, и ты больше не хочешь говорить со мной!»

Читая это, Катя чувствовала, что ее дурное настроение развеялось, как дым, на сердце стало легко, и даже врать про аврал на работе было неловко.

Через некоторое время, посреди разговора о чем-то другом, Никита вдруг написал:

«Послушай, Катя. Мы уже почти две недели переписываемся и, по-моему, неплохо понимаем друг друга. Ты стала мне очень близка. Я нашел в тебе гораздо больше того, на что мог надеяться... Как ты смотришь на то, чтобы встретиться? Или поговорить по телефону? Не настаиваю, это просто вопрос. Если ты пока не готова, я все пойму».

Катя смотрела на экран и не могла понять, что чувствует.

Не этого ли она хотела? Не об этом ли они говорили с Машей?

Но что, если они с Никитой разочаруют друг друга? Катя отправляла ему фотографию, видела его снимки, но ведь в жизни люди все равно выглядят иначе. Манеры, походка, голос – ничего этого фотография передать не может. Однако какая-то мелочь способна оттолкнуть, вызывать неприязнь.

Вполне возможно, что, несмотря на сходство во взглядах, они поймут: между ними ничего не может быть. Тогда прекратится переписка, к которой она успела привыкнуть, и Катя потеряет доброго друга.

«А если нет? Если ты влюбишься в него, а он тоже разобьет тебе сердце?»

Что же она за человек такой – трудный, старомодный! Была бы другой, легкой на подъем, свободной в общении, так они могли бы немедленно созвониться, поговорить.

Но в ее понимании это невозможно. Дело даже не в том, что нужно привести себя в порядок, подкраситься, причесаться (не с маской же на лице в первый раз разговаривать!) Ей требовалось подготовиться морально, взвесить и обдумать то, что, в общем-то, не нуждается ни в оценке, ни в анализе.

Мысли прыгали, как блохи, натыкаясь друг на друга, а пальцы, почти не повинаясь разуму, набирали:

«Я тоже думала об этом. Давай увидимся».

В итоге они решили завтра созвониться, а в субботу встретиться.

Засыпая в ту ночь, уже проваливаясь в темные бездонные глубины сна, Катя подумала: «Как удивительно вовремя Никита упомянул о свидании и предложил встретиться. Как раз сегодня, когда мы говорили об этом с Машей! Как будто стоял, невидимый, возле нас, подслушивал наш разговор и понял, что лучше не медлить...»

Додумать не успела – уснула. А утром и не вспомнила об этих мыслях.

Глава пятая

Катя бежала домой с работы. Крапал мелкий, почти невесомый дождик. Капли не успевали долететь до земли, испаряясь в вышине. Она не стала открывать зонтик, только плотнее запахнула плащ: к вечеру заметно похолодало, и она порадовалась, что утром взяла его с собой.

Весь день Катя старалась не думать о предстоящем разговоре, не относиться к нему слишком серьезно. Подумаешь, созвонятся, побеседуют. Понравятся друг другу – хорошо, нет – до свидания.

Что-то не давало покоя. Обходя глянцевую темную лужу, Катя оступилась и угодила прямо в нее. Ойкнула, поджала ногу, как цапля, бросилась прочь, как будто лужа могла погнаться за ней.

Тоска по Артуру. Вот что ее мучило.

Господи, да сколько можно? У нее появился шанс начать новую жизнь. Зачем же портить все, впадая в неуместную ностальгию по изжившим себя отношениям? По человеку, который отшвырнул ее, как дырявый башмак, и устремился в иную жизнь?

Все складывалось отлично. Никита ей нравился, она тоже была ему не безразлична. Их отношения крепили, сплетались в общую нить, и вскоре это могло поставить жирную точку в отношениях с Артуром.

Однако именно этот отрадный факт угнетал ее. Скоро все закончится – теперь уже навсегда. То, что связывало Катю с Артуром, окончательно разорвется, но какая-то часть ее навсегда останется в прошлом. Сможет ли она жить с ополовиненной, ущербной душой?..

Готовясь к разговору, Катя уселась за стол, поставила перед собой ноутбук. Поверхность стола была прохладной, и она поежилась. Убрала за ухо прядь волос, выпрямилась в струнку.

Он вот-вот должен позвонить. Она чувствовала себя немного глупо, и ей стоило немалых усилий прогнать мысль о том, чтобы перенести звонок.

Ровно в восемь, как и договаривались, раздался звонок. Помедлив пару секунд, она нажала на маленькую зеленую телефонную трубку. Экран мигнул, и на нем появилось изображение мужчины.

«Ужас что такое!» – была первая мысль.

На темном фоне просматривался лишь смутный силуэт Никиты. Короткая стрижка, широкие плечи. Сложенные перед собой, как у прилежного ученика, руки. Лица не разглядеть, за спиной у него тоже все тонуло в полумраке.

Катя поерзала на стуле и скрестила ноги.

– Извини, я знаю, качество не очень, меня плохо видно, – поспешно сказал он. – Я не в Казани. Связь отвратительная, да и камера слабая.

Голос его Кате понравился: немного глуховатый, он звучал спокойно и уверенно. Никита не суетился, не дергался, говорил негромко, но четко.

– Привет, – чуть смущенно проговорила она, чувствуя, что его спокойствие передается и ей. – Да, я тебя почти не вижу.

Он слегка качнул головой и, похоже, улыбнулся.

– Мы в неравном положении, но тут уж ничего не поделаешь. Я тебя вижу отлично. Ты очень красивая, Катя. Такое живое, выразительное лицо – по фотографиям этого не понять.

В голосе Никиты слышалась грусть – или ей показалось? Катя почувствовала, что краснеет. «Когда уже я научусь с достоинством реагировать на комплименты? Почему вечно тянет начать оправдываться?»

– Спасибо, – сдержанно проговорила она, изо всех сил стараясь не тянуть руки к волосам, чтобы поправить прическу. – О чем мы поговорим?

– Долгого разговора, к сожалению, не получится. Связь может прерваться в любом момент. Но ведь главное было убедиться, что мы оба – реальные люди, а не сетевые фантомы.

Разумеется, Никита был прав. Цель состояла именно в этом. Они поговорили еще несколько минут о чем-то незначительном, неважном, просто прислушиваясь и приглядываясь друг к другу. Потом обсудили место и время будущей встречи и простились.

Катя постоянно ловила себя на мысли, что разговаривает с Никитой свободно, не нервничая и не рисуясь. «Значит, я все делаю правильно, – подумалось ей. – Это как раз тот человек, который мне нужен».

И все же сомнения были. Еще какие! Но Катя решила, что не станет обращать внимание на истерические завывания внутреннего голоса.

Свидание было запланировано на субботу, а в пятницу вечером Маша с семьей уезжала в отпуск, взяв с Кати обещание писать, звонить, сообщать – словом, отчитываться обо всем, что происходит.

Они подробно обсудили, что Кате следует надеть, какие выбрать туфли и духи, как накраситься и уложить волосы. Впрочем, тут без особых вариантов: делать прически Катя не умела, с грехом пополам научилась укладывать свое каре.

– Ничего, они у тебя и так хорошо лежат! Вымыла, высушила, пошла. Не то что мои пакли! – говорила Маша. Кокетничала, конечно: своими роскошными длинными светлыми волосами она невероятно гордилась, каждый день делала новые затейливые укладки.

Только планы и сборы оказались напрасными. Катя давно заметила: чем детальнее и тщательнее продумываешь все, тем больше вероятности, что задуманное сорвется. Вот и тут – сорвалось.

В пятницу вечером, когда она решила перед сном съесть яблоко и пошла за ним на кухню, в дверь позвонили. Кому не спится в ночь глухую?

– Кто там? – спросила Катя, подойдя к двери.

С той стороны не доносилось ни звука. Незваный гость молчал, не желая отвечать.

Катя повторила свой вопрос и осторожно посмотрела в глазок. Обычно она этого не делала. Как-то в фильме увидела, что маньяк ткнул в глазок железной палкой и проткнул герою глаз. Жуткая кровавая сцена.

Посмотрела и отшатнулась. Там колыхалось что-то, что – не разберешь.

– Прекратите эти шутки! – строго проговорила Катя, хотя внутри все дрожало. – Я сейчас полицию вызову!

– Не надо, Кать. Давай без полиции обойдемся. Это всего лишь розы. Они не опасные.

«Розы, может, и нет, а вот ты!» – мелькнуло в голове.

А следом... Ее словно окатили ледяной водой. Невозможно дышать, сердце поднялось к горлу, колотясь, как детский мячик, а желудок, наоборот, ухнул куда-то вниз.

Артур пришел, принес цветы.

Он все-таки пришел – как раз тогда, когда она уже почти (почти!) перестала ждать. Когда у нее появился (да, опять-таки почти!) другой мужчина.

Самым правильным было бы не открывать, попросить оставить ее в покое. Отпереть дверь Артур не сможет, ключей у него нет. Уходя, он оставил свою связку в ключнице, в прихожей, и она болталась там все эти месяцы, мертвая и пугающая, как висельник – еще одно жестокое напоминание о Катином одиночестве.

Они молчали, стоя по разные стороны двери, как в плохом кино.

– Зачем ты пришел? – с трудом выговорила она, думая, что он не услышит. Но Артур услышал.

– Ты ведь уже поняла.

Поняла, вот именно. Поэтому-то лучше не открывать!

Катя повернула ключ в скважине и отворила дверь, пуская Артура на порог и – обратно в себя, в свою жизнь, в свои мысли, сердце, душу.

Она смотрела на него – такого родного, и думала, что не знает, не может понять, красив ли он? Хорош ли? Изменился или остался прежним? Артур просто стоял здесь, возле нее. Он просто *был* – и этого было достаточно.

Катя вспомнила, как в начале зимы он произнес:

– Мы переплелись слишком тесно, я уже не могу понять, где ты и где я. Люблю я тебя или себя в тебе.

– К чему эти глубокомысленные разговоры? Люди или хотят быть вместе, или нет. Ты, видимо, не хочешь, если бросаешь меня.

Она сказала это, все еще надеясь, что он передумает. Понимала, как жалко звучат ее слова, но не смогла заставить себя промолчать. Артур улыбнулся кривой, смазанной улыбкой и, ничего не ответив, ушел.

А теперь, вспоминая его слова, Катя наконец-то поняла, что он имел в виду. Они слишком росли друг в друга.

Когда отношения прохладные, рациональные, равнодушно-дружелюбные, люди могут существовать в них годами, десятилетиями, не опаяя души. Но при таком взаимопроникновении, единении, нужно либо слиться до конца – и это будет навсегда, до гроба и даже за гробом. Либо, если тянет на волю, если ощущаешь постоянный позыв вырваться, – нужно расстаться.

Наполовину слиться с кем-то невозможно. Нельзя немножко верить, чуть-чуть жертвовать. Это же сплошное мучение, оголенный нерв: стоит задеть неловко, и боль стреляет в голову, валит с ног.

– Зачем цветы? – спросила Катя, чтобы разрушить это наваждение. Она прислонилась к стене, будто ища у нее защиты.

– Не только цветы, – сказал он и полез в карман.

Она следила за тем, что он делает, с таким страхом, будто ждала, что он достанет пистолет и застрелит ее.

Артур вытащил маленькую красную коробочку. Открыл, подал ей.

– Что это? – спросила она, не отрывая взгляда от его лица.

– Взгляни. Мне кажется, красивое. – Он вдруг как-то смешался, поднял руку, чтобы коснуться лба, как всегда делал в минуты волнения, но в ладони был зажат букет. Артур отдернул руку, как будто его ужалили, и опустил цветы к полу, словно меч. – Прости, я говорю совершенно не то, что нужно. Веду себя как идиот. Просто боюсь все испортить. Хотя куда уже... Пожалуйста, выходи за меня замуж.

Катя, наконец, опустила глаза и посмотрела на кольцо.

Оно действительно было красивым.

Но это было неважно.

– Мы ведь уже... – голос ее дрогнул, она недоговорила. – И развелись.

Развели их быстро и без проблем: детей нет, имущественных претензий тоже. Развели в том же ЗАГСе, где и поженили.

Не было ни суда, ни частых встреч, ни вызовов по повесткам. В этой будничности, простоте была особая горечь. Катя опомниться не успела, как все закончилось.

– Помню, – кивнул Артур. – Но теперь все будет по-другому. Мы ведь уже другие. Все изменилось.

– Я все та же, Артур, – устало проговорила Катя.

Она сотни раз представляла себе его возвращение. То, что случилось наяву, было даже лучше, чем она себе воображала, но радости почему-то не испытывала.

Может, потому, что ее обижала его оскорбительная, без тени сомнения, уверенность в том, что он не опоздал? Что мог бы, если бы захотел, прийти не через несколько месяцев, а через несколько лет, и все равно не было бы поздно.

– Ты являешься сюда через полгода, ни секунды не сомневаясь, что я буду вечером одна, что открою дверь, пушу тебя, выслушаю, что приму твое предложение! Это кольцо, этот букет... Артур, ты жил без меня, решал что-то, взвешивал, а когда понял, что... – Она оборвала себя на полуслове, всплеснула руками, заговорила громче и быстрее. – Думаешь, не знаю, что ты скажешь? «Я убедился, что мне нужна только ты...» Ты убедился! А как насчет *меня*? Может, я давно забыла о твоём существовании? Может, у меня другой мужчина, я живу своей жизнью и знать тебя не хочу?

Артур вдруг швырнул цветы на тумбочку и шагнул к ней так, будто перед ним была не Катя, а крутой обрыв, синяя бездна. Он ринулся туда, зная, что назад не вернется. Схватил ее в охапку, и она почувствовала, что он дрожит. Одной рукой прижал Катю к себе, обхватив за талию, второй зарылся в ее волосы, уткнулся носом в шею.

– Ничего я не знал, – голос звучал приглушенно, как через подушку. – Надеялся, вот и все. Но ведь все не так, как ты сказала? Не так, правда?

– Твой стол, – зачем-то пробормотала Катя. – Я отдала твой компьютерный стол.

Коробочка с кольцом упиралась ей в бок. Артур держал Катю так, как будто она могла в любой момент вырваться и убежать. Но бежать было некуда. Она чувствовала запах его кожи, знакомый и сладкий, смешанный с ароматом одеколона, и ей казалось, что они вдвоем парят над той пропастью, в которую он только что бросился.

Ее ответное движение навстречу ему было едва ощутимым, но Артур его не пропустил.

Третья интерлюдия

Я не слышу, как он подъезжает к дому. Там, где я нахожусь, нет связи с внешним миром. Толстые стены убивают любые звуки: сюда, наверное, не мог бы пробиться и грохот взрыва, не говоря уже о шорохе автомобильных шин по дорожке, повороте ключа в замочной скважине, хлопке, с которым закрывается входная дверь.

Нет, я не слышу этого, но внутренним взором вижу все до мелочей. Я знаю, как выглядит этот дом, поэтому вижу настолько ясно, как будто следую по пятам за тем, кто сейчас появится на пороге.

Вот он заезжает во двор, глушит двигатель, а потом вылезает из машины и закрывает за собой ворота. Возможно, перекидывается парой словечек с соседом или соседкой, улыбается, вскидывает руку в приветственном жесте. Он обаятельный, умеет быть милым и нравиться людям, несмотря на излишнюю сдержанность, – уж я-то знаю...

Никто не подозревает, что у него есть двойное дно. Даже не дно, а черный подвал, населенный безобразными, уродливыми монстрами, – зловонное, жуткое место. Он надежно спрятав его от посторонних глаз, но мне, к сожалению, пришлось заглянуть в этот разлом.

Не только заглянуть, но и остаться внутри.

Поднявшись на крыльцо, он возится с замками, отпирает по очереди все три. Неужели никому, кто здесь, возможно, оказывается, не приходит в голову, что их слишком много для тихого местечка, где не бывает краж и разбоев?

Наконец он внутри дома. Тут ему уже не нужно носить маску, эти стены видели его всяким – и принимают таким, каким он уродился.

Мне кажется, что он улыбается. Он всегда улыбается, когда хочет причинить боль. Наверное, его радует сама мысль о том, что зависимое от него человеческое существо в эту самую минуту задыхается от страха перед его появлением. Он чувствует этот страх, этот слепящий белый ужас, который волнами распространяется по всему дому. Я хотела бы не

испытывать его, но ничего не могу с собой поделать – к такому невозможно привыкнуть, невозможно приучить себя не бояться.

Надежно заперев за собой дверь, еще плотнее задернув шторы на окнах, сняв уличные ботинки и переобувшись в домашние тапочки, он направляется провести меня.

«Раз, два...» – считаю я про себя, и едва успеваю мысленно произнести «три», как он появляется в моей темнице.

На нем пальто, в котором он сейчас ходит на работу. Шарф, брюки, а ниже – те самые тапочки. Полосатые, на мягкой подошве.

– Добрый вечер, Нюся, – ласково говорит он. Я была права: его лицо светится улыбкой.

Не могу отвести взгляда от его рук, от длинных кистей и тонких, изящных, немного женских пальцев.

«Не Нюся!»

– Скоро будем ужинать. Ты, наверное, голодна, – продолжает он, подходя чуть ближе. – Сейчас я что-нибудь приготовлю, потерпи немного.

Я дышу часто, как собака на жаре, и, слыша беспомощный, сухой звук своего дыхания, чувствую, как подступает паника.

Он присаживается на корточки возле моего кресла, наклоняет голову.

– Однако сначала нужно убрать за тобой. Видишь, как я забочусь о тебе, Нюся.

«Я не Нюся!»

Когда он поднимается, в руках у него бутылка, наполненная жидкостью, которая стекает из мочеиспускателя.

– Надеюсь, ты хорошо вела себя, Нюся? Ты скучала по мне? Скажи!

В голосе впервые прорезаются жесткие нотки. Они рвут фальшивую, показную ласку, которой, словно мягкой тканью, устланы его манеры и речь, и в прорехе показывается подлинное нутро.

Холодное, жесткое чудовище. Бешеный зверь, опасный сумасшедший.

– Я не Нюся! – слова вырываются помимо воли, прежде чем я успеваю остановить их.

– Что? – спрашивает он, и лицо его застывает. Кожа натягивается, рот сжимается в узкую напряженную линию. Безумие, что бьется и сверкает в его глазах, подобно крупной хищной рыбе в пруду, проступает отчетливее.

– Не Нюся! Я не Нюся!

Он делает быстрое движение в мою сторону – я не улавливаю, какое именно. Мне еще не больно, но скоро боль придет, и ее укусы начнут жалить меня – там, где я еще способна их чувствовать.

Его лицо совсем близко.

Я начинаю кричать. И дальше кричу, кричу, не переставая.

Часть вторая

Глава шестая

Пока Катя сражалась с замком, Артур стоял рядом, держа три тяжелых сумки – одну на плече, две в руках.

– Сейчас, – виновато бормотала она, – в последнее время что-то заедает.

В кармане у нее зазвонил телефон.

– Спорю на что угодно, это твоя мать.

«Как жаль, что они не выносят друг друга», – подумала Катя, открывая наконец-то дверь и пропуская Артура вперед.

Муж не ошибся – звонила Вера Сергеевна.

– Как дела? Вернулись? – прокричала она. – Слышишь меня? Я на работе, тут орут все!

Артур, разумеется, услышал, обернулся и улыбнулся, слегка приподняв брови: «А я что говорил? Кто еще вечно звонит в самый неподходящий момент?»

Катя отвернулась, почему-то досадуя, что он оказался прав, и ответила:

– Да, мам, я тебя хорошо слышу. Не кричи. Мы дома.

– Долетели нормально? – И тут же, не дожидаясь ответа: – Ну и слава богу. Я цветок твой поливала. Сегодня сама польешь.

Катя промывчала в ответ что-то утвердительное, а мать уже на всех парусах неслась дальше:

– Свадьбу-то квадратную когда будем отмечать? Я вам плед купила и халаты. Такие, знаешь, махровые – пригодятся после бани!

– Почему квадратную? – не поняла Катя.

– Девчонки так говорят! – радостно пояснила Вера Сергеевна. – Ну, со смехом! Не поняла, что ли? В квадрате потому что! Второй раз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.